

ГАЛИНА АВТУХОВА

12 ПИСЕМ МОЕМУ ЛЮБОВНИКУ

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Галина Автухова

12 писем моему любовнику. Сентиментальные очерки

«Издательские решения»

Автухова Г.

12 писем моему любовнику. Сентиментальные очерки /
Г. Автухова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553132-2

Эти короткие рассказы, являющиеся частью моего жизненного опыта — есть интерпретация слова «любовь» в широком смысле понятия. В моей бережно выстроенной системе ценностей. Полагаю, что эти очерки нужно читать тогда, когда перестаешь верить в то, что для тебя найдется та самая придуманная тобой картинка. С тем самым, совершенно подходящим тебе человеком. Эти письма — практически утешение, шанс и надежда для тех, кто в ней нуждается.

ISBN 978-5-00-553132-2

© Автухова Г.
© Издательские решения

Содержание

12 писем моему любовнику 6
ПИСЬМО ПЕРВОЕ 8
ПИСЬМО ВТОРОЕ 11
ПИСЬМО ТРЕТЬЕ 15
ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

12 писем моему любовнику
Сентиментальные очерки
Галина Автухова

© Галина Автухова, 2021
ISBN 978-5-0055-3132-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

12 писем моему любовнику
Сентиментальные очерки
Предисловие

Comptine D'un Autre Été, L'après-Midi

В моей жизни было очень много сюжетов, которые я связывала с самым большим чувством, которое только может испытать человек —с любовью.

И сколько бы мое поколение не изучало психологию отношений, не занималось активным построением личных границ, отслеживанием собственных чувств и реакций – мы влюбляемся, становясь отчаянно веселыми, легкими, как будто забывающими всё дурное. Каждый раз. Новый опыт несет в себе целую палитру – от восхищения и желания видеть человека каждую минуту своей жизни до совершенного внутреннего разрушения, бессонных ночей и разбитых о крепкую стену рук.

Эти письма – попытка сохранить все самое светлое из прошлого опыта, реальные сюжеты, происходившие со мной на протяжении десяти лет и отобранные по силе воздействия на мою тогдашнюю действительность.

Эти короткие рассказы, являющиеся частью моего жизненного опыта – есть интерпретация слова «любовь» в широком смысле понятия. В моей бережно выстроенной системе ценностей.

Полагаю, что эти очерки нужно читать тогда, когда перестаешь верить в то, что для тебя найдется та самая придуманная тобой картинка. С тем самым, совершенно подходящим тебе человеком. Эти письма – практически утешение, шанс и надежда для тех, кто в ней нуждается.

События, описанные в этих коротких рассказах, в действительности происходили в трех городах, но я решила переместить их в Санкт-Петербург, поэтому надеюсь, что описания времен года помогут лучше понять «внешнюю» канву событий, поскольку погодные условия всегда влияли на мои внутренние ощущения и восприятие происходящего. Психологи, кстати, отмечают способность погоды оказывать влияние на человека, его реактивное поведение. Но здесь не об этом.

Прежде чем мы начнем путешествие по моим воспоминаниям.

Постарайтесь подумать о своей любви светло, даже если ваши возлюбленные уже не ваши возлюбленные и, с окончанием чтения этих писем отпустить их, как я отпустила тех, чьи образы совершенно наглядно разбросаны в повествовании. Во-первых, вам действительно станет легче и воспоминания перестанут царапать внутренний глаз. А во-вторых, любой человек, который занимал значимое место в вашей жизни заслуживает доброго к себе обращения или воспоминания, даже если отношения между вами давно прекращены, поскольку некоторые комнаты должны быть убраны, вычищены от грязи и закрыты на ключ. Понимаете?

Подумайте о своих нынешних любимых и о бывших возлюбленных. И те, и другие – это и есть вы. Ваша привязанность. А я буду счастлива знать, что эти письма прочитали те, кто способен встречать и провожать любимых легко и с открытым сердцем.

Добро пожаловать в мое прошлое, настоящее и предсказанное мною же самой будущее. Добро пожаловать в храм моих лучших воспоминаний, надежд и абсолютного счастья. Bon voyage! [1]

[1] Bon voyage! (фр.) *Счастливого пути!*

P.S. Историю сопровождает музыка – сущность, которая никогда меня не подводила. Как, собственно, литература и история.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ
ИЮЛЬ. ПРИВЕТ

Bill Withers – Just The Two Of Us

По расписанию был очередной рабочий день. Ничего нового, никаких проектов или приближающихся открытий. Все, как и прежде – навязчивая и надоевшая рутина, если бы…

Ровно в 13:45 у меня неожиданно не разболелся зуб.

Обычно я всегда предчувствую зубную боль, но в этот раз она застала меня врасплох. Обрушилась в союзе с болью головной и невозможностью сфокусировать внимание хотя бы на одной простой задаче, чтобы, выполнив ее, спокойно отчитаться внутреннему цензору и объявить еще один день прожитым не зря.

Знаешь, последний год я избегаю и опасаюсь таких внезапностей. Они разрушают хрупкую канву отстроенного мною мира. Даже если внутри он бумажный, то это еще не значит, что вещи там лежат не на своих местах.

Я, конечно, сразу представила, что позвоню тебе и расскажу об этой разрушившей мой день внезапности. Ты приедешь, отведешь в стоматологию, будешь ждать и после целый день спрашивать все ли со мной в порядке.

Мне хочется думать, что если я позвоню тебе, то ты немедленно отпросишься с работы, явишься на порог, весь растрепанный и вспотевший, с планом действий в голове. У ведь тебя всегда есть запасной выход.

Зайдешь, умоешься, увидишь, как я тщетно пытаюсь работать, положишь мне руки на плечи и прижимаясь щекой к больному месту скажешь, мол, пора ехать. Меня от этого обожжет внутри и расплавит внезапной нежностью, а зуб перестанет ныть.

Так странно, что тебе я могу позвонить по любому поводу: рассказать, что сломался ноготь, что лето расплавило меня и лежу лужицей на траве в парке, что собака поймала веточку и носится с ней как с трофеем. Ты первый мужчина, который знает все на свете и знает, что все свои вопросы я могла бы решить гораздо быстрее, если бы спрашивала у поисковых систем, а не у тебя.

Мы оба знаем (и я надеюсь, что ты не сомневаешься), что я звоню, чтобы услышать низкий и бархатный голос, твои значительные паузы, словно они помогают плести нити судьбы между нами. Мне не стыдно рассказывать тебе все свои глупости, потому что я не сомневаюсь в тебе.

Еще более странным кажется то, что ты, по всей видимости будешь последним, вечным и чем-то совершенно устойчивым для меня. Мне кажется, что ты знаешь вообще все – даже больше, чем Яндекс, Yahoo, Google. У тебя всегда есть ответ на мой вопрос, какой бы области он не касался. [2]

Мне страшно рассказать тебе только об одном. Я никогда не жду, что ты придешь, но очень люблю, когда приходишь. Даже сегодня, когда у меня разболелся зуб – я хочу, чтобы он болел и дальше. Это немного отвлекает от мыслей о твоей широкой улыбке, густых бровях и самых красивых ушах на свете. Твоя улыбка – прекрасная веревочка для канатоходца, а нижняя пухлая губа – место, где я бы хотела сидеть, свесив ноги. Петь песни, играть на своей гитарке. Обязательно босиком. Каким-нибудь вечным, по-настоящему теплым летом.

Зуб по-прежнему ноет, но звонить я, пожалуй, не стану. Не потому, что хочу дразнить тебя тревогой, а потому, что слишком боюсь, что ты придешь и я не смогу с тобой попрощаться.

---

[2] Поисковые системы

Мне не нужно больше ни одного часа, дня, недели без тебя в моем пространстве – пространстве мыслей, квартиры, жизни. Я так люблю опускать свою голову тебе на грудь и знать, что так и должно было случиться. Твой строгий взгляд и теплые руки меня пугают и успокаивают одновременно. Твои тихие вздохи (потому что голова моя тяжела и не притворяйся что это не так), твое спокойное дыхание, когда ты спишь. Ты как будто бы везде для меня, совершенно заполнивший все пространство своим парфюмом, своей строгостью, фундаментальностью. Злой гений. Мой гений.

Зуб успокаивается, и я смотрю на часы. Я строго следую правилу – в семь у меня: ужин, держаться за руки, гладить волосы, щеку, прижиматься к тебе, будто мы в январе и пытаться согреться. И если ты чувствуешь тоже самое, умоляю, скажи мне об этом.

В девять – домой. Будни, расписание, порядок в голове и в жизни. Мне странно прощаться с тобой, но я знаю, что все выходные – ты только мой. Вне времени на тридцать шесть часов, включая короткий сон.

Знаешь, я даже думала купить телевизор, чтобы наши два часа в день были слышны из моих летних открытых окон. Я часто стою под окнами собственного дома, из квартир моих соседей слышатся разговоры о насущном и какие-то программы по телевизору. Поставленная речь звучит так сухо, как жалкая пародия на Левитана, но я немного завидую этим квартирам – у них есть обитатели, жизнь, проблемы. А у нас с тобой – два предательских часа. Строгие, как приговор, не подлежащий обжалованию.

Но в эти два часа я ловлю каждый момент твоего смеха. Твоих сомнений. Нахмуренных бровей. У меня уже сто фотографий в памяти и каждый раз это серийная съемка. Замедленная, будто снимают как загорается спичка. Каждая твоя ухмылка хранится в моей голове и не требуется увеличение памяти – там места на всю жизнь хватит. И я думаю: «Хоть бы, пожалуйста, на всю жизнь!»

Ты уходишь тихо, практически молча, хотя прощаемся мы громко и уверенно, словно даём какое-то очень важно обещание или заключаем соглашение. Внутри меня все трясется, как же сложно отпустить твою руку. Каждый раз это видимо, мне сложно скрывать свою привязанность.

Но сегодня к обыденному расписанию добавилась зубная боль. Она, вероятно, снизит остроту моего чувствования. Заставит легко тебя отпустить. И оставит мне на десерт бессмысленность моего стояния на пороге и запоминание каждого удаляющегося от меня шага. Твоего прекрасного, легкого шага.

Завтра все будет как прежде. Боль отступит, ты вновь заявишься растрепанный и уставший, сядешь, выдохнешь и будешь рассказывать свои истории, шутить. Я стану смеяться и задыхаться, потому что нет ничего более забавного, чем твои шутки, жестикуляции их сопровождающие и пародии, которые не являются пародиями на самом деле. Я – благодарный зритель, я верю тебе. Может быть, мы выйдем на улицу и посидим на траве возле дома именно сегодня? Мне так хочется сидеть с тобой на траве в этом июле.

Два часа. Как же я им рада. Рада, как будто бы ты единственное, что способно приносить радость. Солнце, мальчик, пират! Интересно, кого напоминаю я? Юнгу? Дерзкую девчонку, гонимую собственной нежностью? Наши два часа – это правда, которую никто не сможет забрать или подвергнуть сомнению. Или того хуже – проверить на подлинность.

Поэтому, мой любовник, я расскажу тебе десять правдивых историй. Наших историй, прерываемых твоими звонками в строгой очередности:

– Привет, птичка.

Выдерживая порядочную паузу для моих хихиканий, ты скажешь, что сегодня придешь пораньше. И все, что мне останется, это легко и просто ответить тебе:

– Хорошо.

ПИСЬМО ВТОРОЕ
ИЮНЬ. ПИКНИК У ОБОЧИНЫ

Angus and Julia Stone – Big Jet Plane

До того, как твои визиты стали для нас чем-то вроде уголка спасения, ты приходил провести время и посмеяться, рассказывая мне о каких-то очень далеких событиях, которые считал стоящими того, чтобы жить.

Во вторник ты зашел, плюхнулся на диван и ожидая мой фирменный переваренный в турке кофе, стал рассказывать мне историю о своей первой девчонке. Врал родителям и сбегал из дома ближе к вечеру, чтобы оказаться в парке (больше похожем на заповедник по-твоему мнению), где она всегда ждала тебя в назначенное время.

Будто на исповеди, ты сидел передо мной и говорил.

«В этом парке-заповеднике было ветрено в любое время суток. Знаешь, всегда думал, что это какое-то проклятие, потому что никогда не любил ветер, пробирающий до костей. В отличие от той девочки.

Она стоила каждого вечера, в который я приходил к ней. Я совершенствовался в своем вранье, чтобы уйти из дома каждый новый раз, и родители, смирившись с моими историями отпускали меня, потому что знали, как мне невыносимо рассказать о том, что бегу я всегда к одной.

Да что там бегу – лечу. Так она была хороша. Смешная, худенькая, нос, вздернутый к небесам и веснушки, мой бог, я сходил с ума от этих веснушек. Знаешь, она ведь заставляла меня мочить ноги в знак подтверждения моих серьезных намерений, в доказательство любви. Тогда ведь не было этого всего – жертв, абъюзеров. Взлетаешь на палубу и мочишь ноги. Потому что любишь.

И я мочил все – руки, ноги, лицо, возвращался домой и видел, как мама устало вздыхает, мол, опять слонялся по улицам неизвестно с кем. И откуда такой мокрый? Я пробегал в комнату, бросался на кровать и закрывал глаза, будто еще раз хотел посмотреть эту серию – вот так это было. Я даже болел пару раз, но никогда не жалел о развалившихся ботинках, а жалел о том, что не увижу ее целую неделю из-за болезни.

Иногда я тихонько пел, но так, чтобы она едва это различала. Ветер был моим другом, потому что, если бы она услышала писклявое пение – точно бы засмеяла. И как же боялся, что она больше не позовет меня в парк, старался быть самым послушным на свете, самым преданным. Я никогда не понимал почему по заливу не плавают корабли или баржи, они ведь плавали по Неве.

Я помню, как родители возили нас с братом смотреть на разведение мостов. Мне нравился этот поток из кораблей, катеров и барж. Они были такие красивые, хоть и ржавые. Я хотел, чтобы и она считала это красивым».

Едва дыша от ревности, распластавшейся по всему моему существу, я спросила, куда же она делась, эта славная девочка!

Ты сказал, что ничего о ней не знаешь, но тебе было бы интересно узнать, как сложилась ее жизнь, кем она стала и осталось ли в ней хоть что-нибудь, что завораживало тебя больше пятнадцати лет назад.

Кажется, ты заметил мое смятение, поскольку стал нарочито манерным, игривым и смешливым. Будто бы ты какой-то мальчишка из стихов Агнии Барто. Я же просто была тебе рада

и поэтому охотно поддерживала твой моноспектакль, и снова, и снова смеялась над твоими рассказами. Ревнуя к прошлому, но понимая, как это все уже несущественно и даже архивно. [3]

Если ты и был отважным пиратом, смелым мореплавателем или хулиганистым мальчишкой, то я была Наполеоном при Ватерлоо, смеющимся, правда, освобождавшим только свои ногти от лака.

Оставалось чуть больше часа до твоего тогда еще ничего не значащего отъезда. Погода стояла чудесная, несмотря на начало лета. Оно здесь опаздывает, в отличие от тебя – пунктуального до тошноты. Представляешь, совершенно никакой надежды на бунт!

Допив кофе, мы выбрались погулять с собакой и пройтись вдоль моих любимых и дорогих сердцу домов.

В лучшие дни лета, как тот, асфальт шуршит, даже если ты стоишь на месте. Мы молча шли вдоль аллеи и не сговариваясь свернули в парк, как будто бы этот маршрут был найден нами не меньше ста лет назад.

Я вдруг осознала, что мне не все равно, уедешь ты через час или останешься на вечерний чай с безе или гавайской смесью. В любом случае, в подарок всегда оставались запахи: твоего и простых ромашек, которые ты принес по случаю начала лета. Утешение или обещание, но явно что-то значащее. Во всяком случае для меня.

Оставалось чуть большим получаса, когда ты сказал, что хочешь мини-пикник у воды. Смущенная до невозможности, я заправила волосы за уши и очень покорно кивнула головой в знак согласия. Как же ты был хорош – сутулая спина, неспешный шаг, как ты оглядывал меня время от времени и улыбался на уголок, едва заметно, но, как и я – смущаясь.

Около моего дома был не только парк и местечко, чтобы посидеть у воды, но и странные, даже больше чем странные и совершенно неприветливые забегаловки, где продавали готовые горячие хинкали, шашлыки, шавермы и даже алкоголь после 22:00.

Ты направился в одну из них – решительный, взрослый, придурковатый. Я осталась на улице – неуместная, внезапно оставленная, будто чья-то собака около магазина. Я, кстати, всегда подхожу к таким собакам, разговариваю с ними и глажу – мне так странно, что их хозяева не боятся их вот так привязать и уйти.

Ты вернулся с двумя пакетами. Я улыбалась, радовалась твоему возвращению. Мы пришли в парк, прошли летнюю сцену и нашли место под деревом. Было много людей, но мне казалось, что нас только трое – ты, моя собака и я. У нас не было хрестоматийного пледа и плетеной корзины, но были пакеты, маленький пес с огромным желанием изучить и отметить все деревья в радиусе 2 километров. И мы. Ты светил своей улыбкой так, что даже если бы мы оказались здесь зимой, то прожекторы не потребовались бы. Все было правильным, точным, существовавшим.

Я аккуратно присела на толстый корень дерева, привязала к себе собаку и уставилась на воду. Ты разложил наши контейнеры и дал мне вилку. Мой пес попытался присоединиться к нашей тайной вечере, но ты строго отказал ему в этом и он стал ластиться, а затем и вовсе, уселся у твоих ног.

– Ешь давай, у нас пикник.

– Я ем, ем.

Но я не могла есть. Я давилась твоей невозможностью. Твоим обаянием. Наступавшими мне на лицо сумерками. Тем, как моя любимая собака совершенно покорно подчинялась любой твоей воле.

Ты рассказывал мне о книжках Умберто Эко и выглядел разочарованным тем, что я их не читала. Задавал вопросы, но я молчала. Я смотрела на часы. Запомнила, что я на них смот-

[3] Агния Барто – детская писательница

рела. «Кажется, я хочу провести так всю свою жизнь», – отбивалось у меня в голове и как шарик для пин-понга скатывалось прямо в ребра.

Картинка этого пикника была простой и случайной. По воде метались утки, устраивая вечернее ралли, ты посматривал на этот почти пейзаж и легко улыбался увиденному. Но стоило тебе на секунду утратить контроль, и вот – твоя шаверма оказалась в пасти у моей собаки.

Мне стало неловко и страшно, но мы оба знаем, что боялась я не тебя, а за свою собаку. Этому хулигану всегда удавалось занимать позицию триумфатора, даже если я упорно делала вид, что это не так. Но исключительно ради приличия, я предложила тебе салат в качестве последней рубашки или нижнего конуса от рожка мороженого – чего-то очень ценного, чем не станешь делиться. Только если…

Оставалось пятнадцать минут или даже меньше. Вдруг ты стал рассказывать мне о собаках, которые у тебя когда-либо были. Одну ты любил сильнее всех – первую, которую знал. Звали его «Малыш». Как и мою когда-то очень давно. Стало жутко – я верю в такие совпадения. Точнее, в неслучайность совпадений. Мы доели. Времени почти не оставалось. Ты сказал двигаться и сел на остатки корня дерева совсем рядом со мной. Меня затошнило. Заправил за уши, мои успевшие растрепаться волосы (которые конечно же тебе подчинились). Замолчал. И совсем несерьезно и по-мальчишески спросил:

– Хочешь, я намочу ноги?

– Здесь плавают крысы, клянусь, я их видела, тут очень грязно.

– Если ты хочешь, то просто скажи.

– Нет, не нужно.

Я все еще смеюсь внутри себя, вспоминая твой выдох разочарования, ведь я ничего не поняла тогда. Мы встали, собрали свои нехитрые пожитки в виде пустых контейнеров, пары вилок и салфеток и вышли из парка. Мы дошли до угла дома, находившегося на прямой линии с выходом из парка. Ты сказал, что я живу в прекрасном месте (я тоже, я тоже так чувствую!).

Пять минут. Мы стояли напротив друг друга, я обыкновенно курила, ты попросил заканчивать с этим. Собака гавкала (больше всего на свете он не любит стоять на месте). Машины звучали хором тормозов и двигателей. Солнце съедало твоей лицо, поскольку я была обращена не только к тебе, но и к этой дурацкой звезде, которая просто ослепляла меня и превращало все твои черты в единую, но размазанную в пространстве массу.

Минута.

– Мне пора. Я напишу.

– Хорошо. Ты ведь знаешь, что я не буду ждать твоих выдавленных из себя буковок?

– Знаю.

Оба выдохнули. Точно пора. Ты обнял меня, как будто хотел оставить на мне свой слепок. Посмотрел в глаза, как в самых паршивых мелодрамах. Мне стало понятно, что ты собираешься сделать. Я испугалась и собиралась сбежать от тебя, но ты оказался проворнее. Схватив меня за спину и мягко прижав к себе еще раз – и совершенно ожидаемо, без снегопада, красивой классической мелодии и безразличного букета цветов, поцеловал.

Я оглохла. Собака перестала гавкать. Мир замер. Наступила тишина. Очнулась, когда твоя спина стала похожа на черную точку. Мне показалось, что это детский сон, все случившееся – ерунда какая-то. Мои уши горели. Твои ноги остались сухими. Мама не даст тебе подзатыльник и не спросит где ты пропадал.

Я пришла домой и стала ждать вестей. Час, другой – ничего. Но я не переживала, потому что знала, что тебе страшно точно так же, как и мне.

Позже, ночью, сквозь включенный режим «Не беспокоить», тебе все же удалось прорваться с одним словом-манифестом:

– Спишь?

Прости, что я тогда ничего не ответила – была слишком занята своими снами в самых душистых ромашковых полях.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ
НОЯБРЬ ПРОШЛОГО ГОДА. РАЗРЫВ

Метроном 60 ударов в минуту

…Вздох. Боже, как же темно и зябко на улице. Выхожу из здания, в лицо бросается ветер и дождь. Перевязываю шарф на ходу, но это не поможет. И мне это известно.

Если смогу дойти до дома – выживу. Поскальзываюсь. Падаю. Лицо в грязи. Нет сил подняться. Я лежу в темноте под дождем и скулю. Мимо проходят чьи-то ноги. Меня обходят, словно я какой-то мертвый голубь. Из последних сил поднимаюсь и иду дальше. Осталось 10 минут до дома или до нового падения.

Прихожу. Дверь домофона. Писклявая мелодия. Ужас темноты парадной. Но я хочу видеть этот ужас. Я хочу посмотреть на него. Чем она меня еще напугает?

Поворачиваю ключ в замке трижды. Щелчок – дверь открыта. Закрываю за собой. Включаю свет. Смотрюсь в зеркало. Выключаю свет. Смотрю на себя в темноте. Я уродлива. Я уродлива. Я уродлива. Бросаю сумку на лавку и промахиваюсь. Вижу в темноте шевеление – это моя собака. Боже, я не должна уснуть прежде, чем его выгуляю. Расстегиваю пуговицы на грязном пальто. Плюхаюсь на скамейку. Весь коридор в грязи. Собака прыгает на коленки. Кажется, начинает любить.

Закрываю грязное лицо ободранными руками. Плачу. Собака гавкает на меня – известный закон моего дома – если плакать, то только тихо. Перестаю издавать звуки. Приглаживаю волосы. Выдыхаю. Вынимаю уставшие ноги из сапог и снимаю пальто.

Собираю вещи. Надо же, у меня такой маленький коридор, но такой длинный. Мне хватило бы места, чтобы в нем жить: петь; говорить; писать; курить; стонать; лежать. Мое место правды и силы. Мои планы, надежды, мечты, рабочие задачи – всё в нем. Прохожу. Иду в ванную мыть руки и очищать одежду.

Темно и здесь. Свет включать не хочется. Зубы отбивают чечетку. Думаю. Что еще нужно сделать. Кто-то звонит. Отклоняю. Отклоняю. Отклоняю. Отклоняю. Отклоняю. Отклоняю. Выключить.

Я мечтаю о том времени, когда я приду и будет тепло. Когда кто-то уже включит свет и будет семенить по кухне, заполняя пространство мелкой суетой. Но знаю, что, когда говорю «кто-то» – всегда говорю об одной.

В этой темноте я на связи со всеми – живыми, мертвыми, каменными, железными. У меня есть еще полчаса до прогулки. Я могу хоть что-то успеть. Но мне не хочется. Включаю телефон.

Возвращаюсь в комнату. Собака преследует меня. Наверное, голодный. Не буду включать свет – вдруг в темноте я смогу ее увидеть, даже если этого боюсь. Включаю проигрыватель.

Я помню, что уже показывала эти пластинки – включала, хвасталась звуком, будто извлекаю его сама. Нащупываю в кармане телефон и собираюсь ей об этом рассказать.

Включенный экран загорается. Набираю номер по памяти.

«Вызываемый вами абонент недоступен или заблокирован».

Звоню еще раз. Еще раз. Еще раз. Еще раз. Еще раз. Я видела ее телефон. Селфи, которые она делала, сама того не зная. Я помню, кто вытащил сим-карту из ее телефона. Я помню, кто собрал мне пакет с миской, поводком и лежанкой моей первой собаки, на следующий день после ее смерти и сказал отнести к мусорному контейнеру. Я помню эти лица. Только не помню, были ли они жесткие и смиренные или невыносимо жестокие. Мне всё еще больно от этого.

Мне срочно нужно поговорить. Мне надо рассказать о пластинках. Мне надо рассказать про собаку, которую она не успела увидеть. Я говорю в трубку так, будто бы вместо автома-

тического, идеального голоса мне сказали: «Привет, зайчик мой любимый». Как будто кто-то звонко рассмеялся, что бокалы на моей кухне зашатались.

Я выхожу на улицу с пустым поводком – забыла самое главное. Возвращаюсь, беру собаку и спускаюсь в ноябрьский дождь. Я сижу на лавочке у дома в той же темноте, которая была моей верной подругой час назад. Боюсь упасть, поэтому не встаю. Страшно. В темноте мелькают точки – это я забыла надеть очки, после того как умылась. Курю. Холодно. Хочется спать.

Возвращаюсь. Кормлю собаку. До завтра я могу ни о чем не помнить. Падаю на кровать. Молчу. Чувствую, как катятся и слышу, как падают на подушку слезы, хотя они такие же, как и я – потерявшие голос. Встаю. Беру собаку. Ложусь. Обнимаю собаку. Плачу в собаку. Собака молчит. Трясется. Люди говорят, что плакать нельзя, иначе у нее будет вода и она будет в воде. Ноябрь. Она мне снится. Ей холодно в моей воде. Она в ней спит.

Встаю и иду на кухню. Свет. Газ. Чай.

Щелчок. Щелчок. Щелчок. Дым. Стучусь головой о стол. Открываю ноутбук. Холодно. Звонок. Соседка. Дети. У меня никогда не будет семьи. Кладу вещи в стиральную машину. Слушаю подкаст. Мою посуду. Сижу. Сижу. Сижу. Кричать.

Если бы я могла кричать, все пространство исказилось бы. Стало искривленным. Земля бы задрожала, все люди мигом испугались. Земля бы разделилась, все бы упали в разлом. Пытаюсь крикнуть хоть что-нибудь. Блюю от того, что сегодня ничего не ела.

Думаю, что надо спать. Страшно. Посижу еще. Засыпаю. Отключаюсь. Просыпаюсь. Слышу шаги в подъезде. Засыпаю.

Просыпаюсь. Встаю. Курю. Вода. Пепел в воздухе, над головами людей. Моя лава катится и всех убьет. Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу вас всех! Треск фонаря за окном. Надо же как получается. Снег. Продышаться. Скоро будет лучше. Лава все растопит, но пока плавит все живое внутри и выливается через бок – там теперь пусто. Никто не живет.

Сижу на кровати, болтаю ногами. Раскачиваюсь. Болтаю ногами, раскачиваюсь. Включаю свет. Выключаю свет. Включаю свет. Выключаю свет. Собака снова скулит. Я понимаю, что он боится. Он не виноват. Он не виноват. Ему страшно. Не уничтожай его. Убереги от себя.

Скоро будет легче. Скоро будет легче. Скоро будет легче. Я дошла до дома – значит выживу. Это ядерная зима, не удивляйся, что ты ничего не видишь. Не чувствуешь. Уничтожена. Отключаюсь…

…Звук будильника. Принятый звонок от мамы. Свет в коридоре. Я справлюсь. Я обещаю мертвому, что буду самым настоящим живым.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ
СЕНТЯБРЬ. ЛЮБИМАЯ ПЕСНЯ

Taylor Swift – Delicate

Сентябрь выдался теплым и пряным судя по ощущениям на моих щеках и окружающему запаху. Все вокруг было настолько похожим на иллюстрации в детских книжках, что казалось, будто и мы с тобой всего лишь размытые фигуры, призванные помочь в создании у каждого отдельного читателя своего собственного образа, основанного на картинках из детства, приглашающих пробежаться по тротуарной плитке около магазина в новых, простоявших все лето в ожидании дебюта туфлях – на маленьком, но отлично цокающем каблучке.

Мы выбрались на выходные в Стокгольм: собрались быстро, ехали долго, поэтому, понять куда мы так устремлены и почему так медленно движемся мне удалось лишь в небольшой каюте класса «Комфорт» на пятой палубе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.